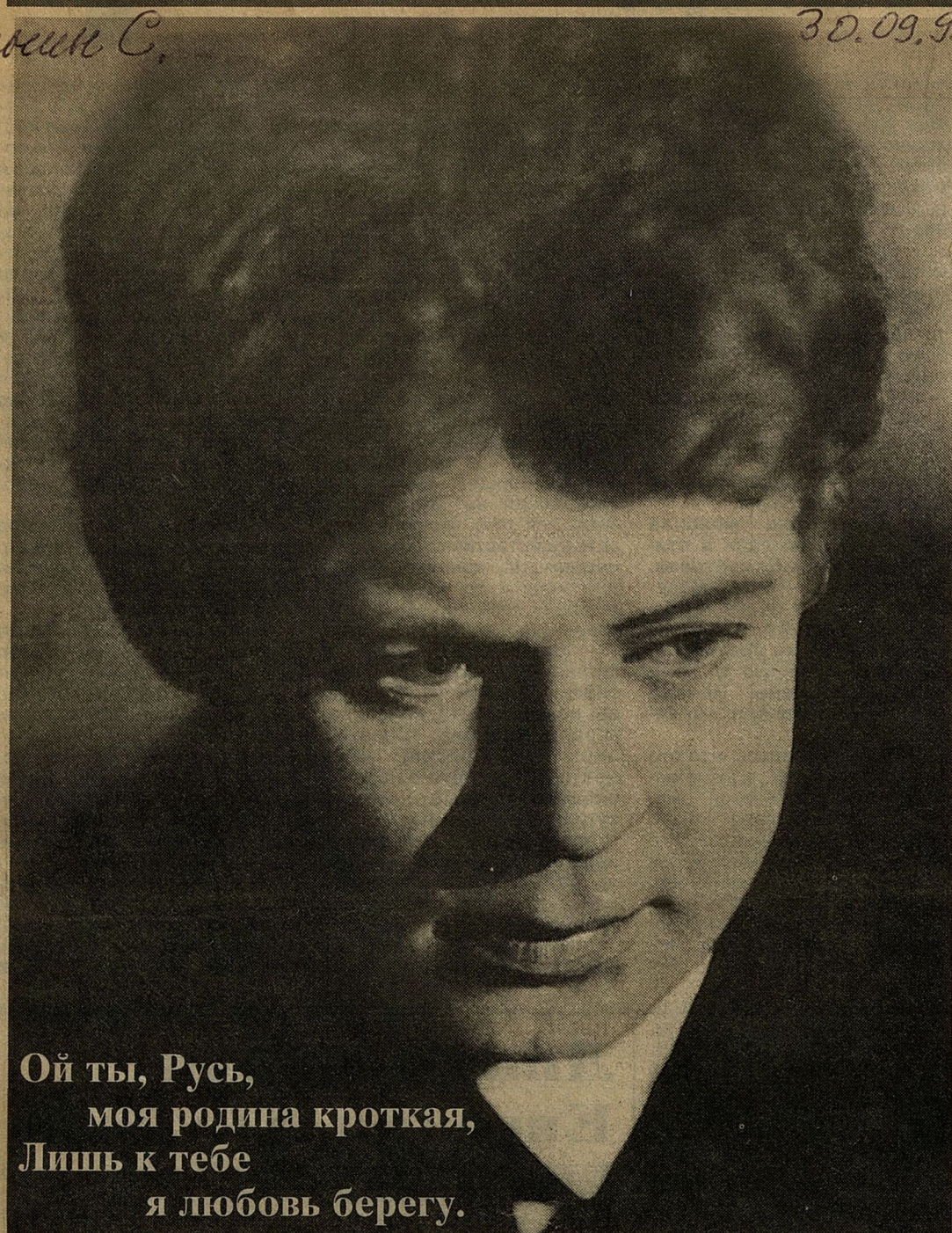

Ой ты, Русь,
моя родина кроткая,
Лишь к тебе
я любовь берегу.

Юбилей

Белая перчатка, медное кольцо

ВЫСТАВКИ

Елена ГРАНДОВА

В филиале Государственного литературного музея, что в Трубниковском переулке, готовились к открытию юбилейной выставки, посвященной 100-летию Сергея Есенина.

О Есенине известно много. Пойдите на Ваганьковское кладбище, где покоится его прах, и вы узнаете столько — что было и чего быть не могло! На этой выставке, где собраны документальные материалы, свидетельства, мемориальные вещи, мы узнаем о Есенине и его жизни, если можно так выразиться, из первоисточников.

— Наш музей располагает богатейшим фондом по творчеству поэта, который значительно расширился благодаря огромной частной коллекции последней жены Есенина Софьи Толстой, — рассказывает заведующая отделом Е.Д.Михайлова. — Наша выставка — совместная работа с РГАЛИ. Частные коллекции

Ю.Паркаева, А.Дудакова, Р.Козинера также составляют значительную долю всего, что смогут увидеть посетители в семи залах. Коненковский музей и Музей народов Востока представили экспонаты для зрительного ряда. Общими усилиями мы хотим добиться того, чтобы посетители почувствовали движение души Есенина, мятежность его исканий, прошли бы, насколько это возможно, сквозь его жизнь.

Как мне повезло оказаться на еще не собранной экспозиции, где документы и вещи лежат не под стеклом, а рядом — руку протыкал. Но ведь экспонаты руками не трогают? — спрашиваю я взглядом у старшего научного сотрудника Натальи Ребровой. Она разрешает, кивнув головой. Беру в руки пожелтевшую от времени бумагу: «Выписи из метрической книги» — оригинал за 1895 год. Графа «пол» — 37-й по регистрации мальчик, рождение — 21, крещение — 24. Черные чернила выцвели, кто-то сухо и неразборчиво поставил свою подпись. Знал ли он, что сделал «выписи» на гения? А в завершающем экспозицию зале держу его последний паспорт. Что

между двумя этими документами? Жизнь. Из зала в зал, от витрины к витрине мы проходим ее этапы. Рязанская деревня, старые фотографии, разукрашенный «Похвальный лист» за окончание гимназии, рукописный дневничок школьного товарища, вписанного в него одно из первых Серехиных стихотворений. В стеклянной установке посередине зала маленькая фотография пятнадцатилетнего Есенина, улыбающегося паренка в картузе. Потом эту фотографию можно будет увидеть еще раз, в последнем зале. Напротив будет висеть траурная пелена, сделанная руками артистов Камерного театра Таирова.

Экспозиция выставки рассказывает о жизненном пути Есенина, его личности, творчестве не наукообразно, а образно. Третий зал, посвященный петербургскому периоду, встречает с Блоком, «акцентируется» письменным столом, как бы блоковским, на нем — фотография Блока, подлинник его записки: «Крестьянин рязанской губернии. Стихи свежие, чистые, голосистые... Заходил ко мне». Блок дал Есенину рекомендательные письма к мос-

ковским издателям.

Он становится известным, потом знаменит. Его любят женщины, он любит. Шаль Айседоры, мягкие кресла Миклашевской. Но главное — это стихи. Подготовленная им к печати рукопись собрания сочинений. Выйдет после смерти. Множество автографов его стихотворений. «Застекленные», они вынесены на стены, над бытом, над суетой... Впрочем, и суета интересна, она тоже многое говорит о нем. «Стоило Пегаса», обеденные счета, оплаченные им ужины Клюева. Такого количества подлинников книг имажинистов, каждая из которых раритет, давно не демонстрировалось. В залах выставки образ поэта дополняют полотна Левитана и Нестерова, Фалька и Коненкова. И непрерывное состояние души создано личными вещами. Вот его котелок, а вот лайковая перчатка, словно еще хранящая тепло руки. Этой костяной ручкой, которой когда-то писал дед его жены Лев Толстой, любил работать Есенин. Медное колечко, которое Сергей с Софьей Толстой получили от шарманщика, она его долго носила, а он это колечко оставил в стихотворении.

Последний зал, последние шаги. Его и наши, посетители. Здесь нет «кричащих» документов, фотографий, разрывающих сердце. Хотя они существуют. Кликушества вокруг гибели Есенина предостаточно. Документы, вещи, картины и фотографии подобраны и размещены так, что вместе с горечью от сознания раннего ухода поэта в душе крепнет гордость за землю, его родившую, народ, который никогда его не забудет.

На Тверском бульваре

ПАМЯТНИК

Татьяна МЕДВЕДЕВА

Должно было исполниться ровно сто лет со дня рождения Сергея Есенина, чтобы по случаю юбилея в центральной части Москвы появился, наконец, памятник прославленному поэту. Что ж, когда памятники запаздывают, они обычно указывают на признание действительно вечное, уходящее уже в навсегда. А скульптура, отлитая в бронзе, отныне займет свое место в начале Тверского бульвара, между двумя театральными зданиями, на площадке, устроенной зодчим А.Климочкиным без всякого нарушения пространственной атмосферы, привычно организованной здешней архитектурой.

Для автора этой скульптуры, столичного ваятеля А.Бичукова, не так уж давно и также поблизости от Пушкинской площади установившего бронзовую фигуру другого поэта — В. Высоцкого, именно образ Сергея Есенина более чем заслуживает. Еще в годы студенчества он выиграл конкурс на лучшую настольную скульптуру, затем неизменно и многие годы показывал новые варианты прочтения темы на выставках, воздвиг памятник у могилы поэта в Москве на Ваганьковском кладбище, памятник в Туле... Изобразительное воплощение нашей национальной признательности редкому таланту считает задачей неисчерпаемой...

Новое произведение, решенное в традициях московских памятников, как бы продолжает собой особенную, поэтически интонацию московских бульваров: вокруг Пушкина собираются его прямые наследники.

По Оке, в Константиново

ТРОПИНКА

Юлия МАРЬЯШКИНА

Бывающие туристы знают, что более живописных живописных лугов и густых лесов, как на Оке, в Константиново, на родине Есенина, не встретить нигде. Сейчас в эту рязанскую глубинку почитатели творчества поэта могут добраться либо на личной автомашине, либо по Оке на теплоходе. Но природа и экология преподносят не очень приятные сюрпризы — река не в лучшем состоянии для суходохода, обмелела и заросла за последние годы. Лишь маленькие теплоходы могут доставить в есенинские края почитателей творчества поэта.

Специальная благотворительная программа подготовила к 100-летию со дня рождения Сергея Есенина туристическая фирма «Паллада», специализирующаяся на круизах по российским рекам. Единственный теплоход «Александр Свешников» совершает 3-дневные поездки в село Константиново с Северного речного вокзала. Путевки на этот теплоход, оформленный в стиле «ретро», «Паллада» сделала доступными для пенсионеров и школьников.

«Благодаря теплоходам, привозящим к нам туристов, музей Есенина выживает в наше трудное время», — рассказала Зоя Михайловна Дикун, директор музея. — А ведь у нас есть на что посмотреть: родительский дом, где до 1955 года жила мать Есенина Татьяна Федоровна, амбар, где поэт написал первые стихи. Открылась сельская церквушка. В доме помещицы Кашиной, послужившей прототипом героини поэмы «Анна Снегина», готовим литературную экспозицию. Показываем туристам уникальные документальные кадры, снятые при жизни поэта. И, конечно, дивна природа рязанской глубинки, вдохновлявшая Есенина».

Хроника

1 октября

Открытие мемориальной экспозиции — первый московский адрес Есенина: Б.Строгачевский пер., 24.

Торжественный вечер в Колонном зале Дома союзов, Москва.

2 октября

Открытие памятника С.А.Есенину на Тверском бульваре Москвы.

Открытие выставки, посвященной С.А.Есенину, в Государственном литературном музее, Москва.

3 октября

Открытие памятника С.А.Есенину в Таврическом саду, С.-Петербург.

Всероссийский есенинский праздник на родине поэта, село Константиново.

4 октября

Ритуал чествования поэта на Красной площади.

Торжественный вечер в Александринском театре, С.-Петербург.

Есенин был обречен

Эмигрант Ходасевич предсказал гибель поэта

ПУБЛИКАЦИИ

Владимир ПРИХОДЬКО

Д ля русского человека в изгнании магия поэзии Есенина, при жизни Есенина, была ослаблена в силу разных причин. Учитывались его сиюминутные политические декларации, сделанные в «урагане»: «Небо — как колокол, месяц — язык, мать моя — родина, я — большевик» («Иорданская голубина», 1918) и т.п. Смутили красочные байки о его романах, пьянстве, бытовых скандалах. Резче всех на выход книги «Москва кабацкая» (1924) откликнулся ядовитый Саша Черный. В его эпиграмме «Автобиография т.Есенина» говорится: «Пил в Берлине, пил в Париже, а теперь блую в Москве» («Русская Газета», Париж, 2 ноября 1924). Что ж, не юбилейное, но из истории литературы не выкинешь. Знать надо.

... Миновал год, чуть больше года. Есенин трагически ушел. А когда человек умирает, изменяются его портреты. И отношение к Есенину в русском зарубежье быстро изменилось. В двадцать шестом Саше Черному уже не написать бы такой эпиграммы... Есенин стал общим любимцем. «За что русская эмиграция все ему простила?» — спрашивал Иван Бунин, цитируя стихи Есенина о Ленине, о «новой эре». Вот Бунин, строгий до беспощадности, и остался, может быть, единственным, кто «не простил», — были тут и литературные противоречия, и сословные. Было вкусовое. Соперничество тоже было.

Есенин и Ходасевич — обширный сюжет. Владислав Ходасевич (1886–1939) — литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, как выразился Набоков. Мы читаем Ходасевича, поэта и эссеиста, после долгих лет позорного запрета: советские цензоры вымарывали имя «эмигранта-антисоветчика» во всех массовых изданиях (у автора этих

строк вымарали, перепугав редактора, из предисловия к томику Баратынского в 1979 году). Ныне Ходасевич любовно издан, в том числе в Большой серии «Библиотеки поэта». Ряд стихов, написанных Ходасевичем и Есениным почти одновременно, поддается сопоставлению. Вот, например, есенинский двойник, alter ego запутавшегося героя: «Я в тиллиде стою. Никого со мной нет: Я один... И разбитое зеркало...» Это «Черный человек», 1925 год. У Ходасевича похожая тема прозвучала так: «Я, я, я. Что за дикое слово! Неужели вон тот — это я? Разве мама любила такого...». И далее: «И Виргилия (то есть проводника. — В.П.) нет за плечами — только есть одиночество — в раме говорящего правду стекла». Это «Перед зеркалом», 1924. Современники знали про интерес Есенина к Ходасевичу, бесстрашно расширившему привычное поэтическое пространство подробностями «прозаической» жизни, куда включен даже безумный старик, онанирующий в берлинском сортире. В стихотворении «Звезды» (1925), впоследствии вошедшем в книгу «Европейская ночь», Есенина восхитил эпитет «жидколягая», относящийся к парижской порнотанцовке: «Вот дьявол! — воскликнул Есенин, по воспоминанию Вольфа Эрлиха, — он мое слово украл! Ты понимаешь, я всю жизнь искал этого слова, а он нашел!».

Пронзительный очерк «Есенин», включенный в «Некрополь», Ходасевич, неуязвимый критик с независимым характером, написал в феврале 1926 года, вскоре после гибели Есенина. Очерк согрет чувством утраты: «Он как-то физически был приятен. Нравилась его стройность; мягкие, но уверенные движения; лицо нескрасивое, но милое. А лучше всего была его веселость, легкая, бойкая, но не шумная и не резкая. Он был очень ритмичен. Смотрел прямо в глаза (...) Мы не часто встречались и почти всегда — на людях. Только раз прогуляли мы по Москве всю ночь, вдвоем. Говорили, конечно, о революции (...) Усердно звали друг друга в гости — да так оба и не собрались». Попытку определить лучшее в Есенине Ходасевич

сделал примерно в то же время в письме М.Фроману: «Меня очень огорчила смерть Есенина, хотя, признаться, еще летом, прочтя его книжку «Стихи 1920–1924 гг.», я увидел возможность и вероятность такого конца. Жизнь его была цепью ужасных ошибок — религиозных, общественных, личных. Но одно, самое ценное, всегда было в нем верно: писание было для него не «литературой», а делом жизни и совести. Перечитывая его стихи, вижу, что он всегда был правдив перед собой — до конца, как и должен, как только и может быть правдив настоящий поэт».

Ходасевич еще не раз поминал Есенина. В статье 1926 года «О «Верстах» (парижском сборнике евразийцев) он писал: «Была эпоха октября и военного коммунизма, соблазнившая многих (...) романтической мечтой о великом сдвиге, о новой правде, словом — о тех «Инониях», которые разными людьми по-разному назывались. Такими соблазненными были Блок, Есенин, еще кое-кто. Все в разной мере за свой соблазн поплатились (Блок и Есенин — смертью). (...) Что же было дальше? «Тот ураган прошел...» — как писал Есенин. После дождя повывезли черви, жабы. Настала та гнусность, которую даже лживый язык Ленина не осмелился назвать революцией, а нарек ей хамское имя нэпа...» В статье «Кровавая пища» (1932) Ходасевич назвал имя Есенина первым, предупреждая список жертв произвола в России от Третьяковского до Гумилева и князя Палея.

Упомянутая сегодня статья о творческой эволюции Есенина неизвестна российскому читателю. С мая по июль 1926 года Ходасевич печатал статьи в эмигрантской газете «Дни» под общим заголовком «Парижский альбом». Эта, первая, опубликована 30 мая. В ней немногословно сформулировано, как глубоко выросла в почву отечественной истории трагедия Есенина. В поздних есенинских ямбах Ходасевич улавливает интонации пушкинских исповедальности. Для него это была победа поэта.

Парижский альбом

Владислав ХОДАСЕВИЧ

Сам Есенин незадолго до смерти говорил кому-то, что его поэзию невозможно делить ни на какие периоды, что она постепено и планомерно, без резких переходов, развевывалась с начала до конца.

Однако и это неверно. Конечно, не было такого случая, чтобы Есенин лег спать человеком одной поэтической школы, а проснувшись — уже принадлежал к другой. Но так и вообще никогда с настоящими поэтами не бывает. Поэтическому ничточеству, какому-нибудь вечному подражанию («голодному», по выражению Пушкина) легко сегодня писать «под Маяковского». Он только меняет маски. Поэт подлинный связан со своим стилем органически, перемены в нем совершаются постепенно, как постепенно меняются ткани в живом организме. Внезапное перерождение невозможно. Оно должно сопровождаться таким внутренним потрясением, которое тотчас скажется полным психическим распадом: безумием.

Все же, хоть и не сразу, перемены совершаются. Иногда развитие несколько ускоряется. Настают, наконец, такие моменты, когда изменение настолько продвигается вперед, что сличение настоящего даже с недавним прошлым обнаруживает совершившийся процесс вполне явственно. Вот около таких моментов, с известной приблизительностью, мы и можем проводить те ус-

ловные линии, которыми ограничиваются периоды единого поэтического творчества. В отношении приемов письма творчество Есенина можно разделить основным образом на три периода. Из них первый характеризуется тяготением к народному песенному стилю, воспринятому отчасти через литературные обработки таких поэтов, как Кольцов, Некрасов, Суриков, Некитин. Второй период — футуристско-имажинистский. В третьем наметился поворот к русской классической поэзии. Особенно примечательно то, что чисто стихотворческие тенденции Есенина изменяются параллельно и одновременно с изменениями в его воззрениях. Его душевная драма тотчас отражается в приемах письма. Стиль Есенина оказывается верным барометром душевной жизни. Его стрелка колеблется не над случайными влияниями литературных мод, но под давлением внутренней необходимости. Явление глубоко поучительное и объективно обнаруживающее в Есенине ту правдивость, ту честность перед самим собой, без которой нет подлинного художника.

Сказанному вовсе не противоречит то обстоятельство, что Есенин никогда не искал совершенно личных, лишь ему свойственных, обособленных путей в поэзии. Его литературная честность вовсе не толкала к тому, чтобы быть стилистически воем ни на кого не похожим. Есенин (опять-таки, как всякий подлинный художник) прежде всего не был и не стремился быть революционером в

искусстве. Сохраняя свою творческую личность, он в то же время весьма и весьма пользовался приемами и навыками, отнюдь не им созданными. Может быть, он даже слишком мало, почти ничего «своего» не внес в чисто формальную историю русской поэзии. Но, всегда лишь «примыкая» к другим, он был правдив и последователен именно в выборе того, к чему примыкал.

Начинающий Есенин простодушен. Он является в Петербург с запасом еще полуотрошеских деревенских дум, впечатлений. И соответственно этому в его поэзии как основной тон звучит народная песня. Она несколько «олигархическая» — под влиянием поэзии, вынесенных из церковно-учительской школы и университета Шанявского. Как я уже отмечал, ранняя поэзия Есенина по основным приемам близка к Кольцову, Некрасову, Сурикову. Она еще сохраняет народное-песенное тяготение к хореям, трехдольникам, малостопным ямбам (преимущественно строгим); наряду с этим она стремится к подчинению книжному канону, что особенно сказывается в планомерной строфициности, в преобладании более или менее точных рифм.

В этих пределах Есенин оставался до тех пор, пока не ощутил себя поэтом революционным. И как революционные идеи были привиты этому крестьянскому поэту в городе, так именно город подсказывает (может быть, даже подсовывает) ему новые стилистические и стихотворные формы для его новых чаяний. Начиная с «Фев-

раля», песенные трехдольники, хореи и трехстопные ямбы начинают перемежаться паузирами, построеными не по былинно-песенной, но по типичной книжно-футуристической мелодии. Точные рифмы все приметнее отступают перед ассонансами. Ко времени «Инония» процесс этот завершается, и с песенным ямбом Есенин порывает окончательно. Мечты о преображении Руси в Инонию совпадают с эпохой полного разрыва с теми стихотворными традициями, которым раньше Есенин следовал. Поиски новой правды толкают его на поиски новых поэтических приемов. Кажется, не случайно, что как в стремлении к тому, что «больше революции», Есенин блокируется с большевиками, так в поисках нового способа выражения своих новых дум он присоединяется к имажинистам. Имажинизм, это уподобление дегенерации (дегенерация дегенерации), соблазняет Есенина своей казуальной литературной революционностью. По существу он так же реакционен поэтически, как политически реакционен большевизм. Он так же безыдеен, беспринципен и так же состоит из «отстутлений» и «лавирований».

Постепенно разочарование в большевистской революции и болезненный разрыв с деревенским прошлым приводят Есенина в кабак. Он надрыно пьянствует в жизни и надрыно сквернословит в стихах. Чувственный метафоризм его пьяных стихов соответствует алкоголическому туману в его биографии.

Редкая фотография из фондов Государственного литературного музея. Есенин и Мариенгоф, 1920-й год

«Ты жива еще, моя старушка?», Сергей Есенин с матерью

Они разговаривали на языке любви. Сергей Есенин и Айседора Дункан